

Сяо Цишу вернулся в комнату, положил на стол документы, которые держал на груди, глубоко вздохнул и набрал номер, навсегда врезавшийся в память.

— Господин глава клана, доброе утро. Не знаю, известно ли вам о недавнем слухе, распространившемся в сети...

Он листал документы, и глаза его загорались всё ярче.

Адъютант нашёл маршала, тренировавшегося во дворе, и вертел в руке бумажный листок:

— Я только что встретил Сяо Цишу. Похоже, последние дни он постоянно борется со своим двоюродным братом Сяо Утуном. Насколько я помню, ещё до вашего прибытия сюда его уже выгнали, и до сих пор я ни разу не видел этого человека. — Он помахал бумажкой. — Фотография Сяо Утуна. Я взял её из документов у него в кармане. Маршал, хотите познакомиться с будущим родственником?

— Не интересно. — Маршал даже не взглянул. — Выбрось.

— Хорошо. — Адъютант с улыбкой разорвал фотографию и швырнул её в мусорное ведро.

Какой-то мелкий Сяо Цишу, вместо того чтобы всем сердцем служить маршалу, только и думает о всякой ерунде.

Зря ему так повезло.

На лице адъютанта, с его мягкой улыбкой, проступила пугающая холодность, очень похожая на ту, что была у его начальника.

Когда Сяо Утун снова увидел старика Керна, тот стоял в холле гостиницы, грозно указывая на экран проекции светового компьютера в воздухе и что-то говорил окружившим его главным актёрам.

Казалось, он объяснял сцены, но, судя по времени, съёмки на сегодня уже должны были закончиться, а выражения лиц актёров не походили на внимательное слушание.

Сяо Утун на цыпочках подошёл поближе, но зоркий служащий гостиницы заметил его и после недолгого колебания приблизился:

— Молодой господин Утун, уговорите режиссёра Керна не волноваться так сильно.

Гостей, отдыхающих в холле, оставалось немного, и большинство из них уже собирались уходить из-за шума — не зря служащий обратился к нему.

Сяо Утун успокоил служащего и подошёл к старику Керну:

— Режиссёр Керн, госпожа Юй, господин Чунь... Добрый вечер! — Он по очереди назвал имена, все — люди с большими ролями в съёмочной группе. — Что вы делаете?

Юноша склонил голову, на его лице, где невозможно было различить пол, появилось детское простодушие, губы цвета лепестков сакуры изогнулись в милой улыбке, а блестящие глаза скользнули к центральному экрану.

Как только он посмотрел туда, проекция мгновенно погасла. Зрелая и соблазнительная ведущая актриса, госпожа Юй, тут же повернулась и с улыбкой протянула руку, чтобы погладить мягкие волосы юноши:

— Ничего особенного, просто подумали, что ты скоро уедешь учиться в столичную звезду, и в группе станет скучновато.

Она думала, что юноша не успел разглядеть содержание на экране, но чувства культиватора были невероятно острыми — одного беглого взгляда хватило, чтобы всё разобрать. К тому же Сяо Утун сразу заметил за скрытым за прекрасной игрой гневом на лице госпожи Юй — эти эмоции были спрятаны под выдающимся актёрским мастерством, но не укрылись от его чуткого восприятия.

На проекции были чьи-то данные. Судя по ним, этот шестнадцатилетний, только-только ставший совершеннолетним ребёнок, казался преступником высшей степени, очень неприятным человеком. Сяо Утун впервые видел настолько подробное описание всей биографии человека, и если бы этого человека не звали Сяо Утун, он бы с удовольствием дочитал.

Старик Керн подозвал:

— Иди садись, поел?

Сяо Утун легко подбежал, подарил старику широкую милую улыбку и энергично кивнул:

— Ел! Еда здесь лучше, чем дома... лучше, чем я раньше ел!

Старик вздохнул, сухой, но сильной рукой мягко погладил его по волосам и спросил:

— Чем занимался днём в гостинице?

— Проспал до обеда, поел, поиграл в игры... — Юноша загибал пальцы, перечисляя сегодняшние занятия. Его серьёзный вид вызвал улыбки у взрослых.

Госпожа Юй подалась вперёд, подпёрла подбородок рукой и, улыбаясь, спросила:

— Не знала, что ты так любишь играть в игры.

— Просто дома... раньше было строго, никогда не мог играть вдоволь, как сейчас. — На нефритово-белом лице Сяо Утуна выступил лёгкий румянец. — Обычно я не позволяю себе такого.

— Всего лишь игры, какое же это распутство. — Госпожа Юй, казалось, вздохнула с облегчением; она заметно расслабилась, сменила позу и продолжила: — Послушай меня, маленький Утун, детям нельзя лазить по световой сети — подсядут на интернет! Если скучно, играй в игры вволю, хоть несколько дней подряд — не страшно!

— А так можно? — Глаза юноши засияли, он невольно повернулся к режисёру Керну, словно ребёнок, спрашивающий мнение родителя. — Но ведь игрооманом называют тех, кто играет в игры?

Сердце старика снова было покорено:

— Как это нельзя играть? Ты же взрослый человек, который скоро поступит в Столичный университет! Даже игры нельзя — это непорядок. Вся эта бредня про игроую зависимость — чушь!

Законами Союза гражданин с шестнадцати лет считается взрослым, а в глазах людей это возраст всё ещё считается детским.

Дети должны быть за спинами взрослых, здоровыми и счастливыми.

Режисёр Керн смотрел на радостного юношу, вспомнив только что сведения, и в его груди закипел гнев, который было не унять. Как этот человек посмел так поступить с ребёнком! Разве они не родственники!

Даже видев бесчисленное количество тёмных сторон человеческой природы и зная многие тайны мира, режиссёр Керн испытывал невиданный ранее гнев, когда эта тьма пыталась утащить в бездну ребёнка, в которого он поверил.

Ладно! Ладно! Раз семья безжалостна, пусть он временно станет дедушкой этому ребёнку!

Более того, он получил точные сведения: один из крупных деятелей шоу-бизнеса также сделал исключение и высказался по этому поводу.

Информационная война? Эти старые кости не умеют в это играть!

Если он хочет с кем-то бороться, он ударит прямо в самое уязвимое место — одним ударом насмерть.

Сяо Цишу, да?

Пусть этот старик посмотрит, как ты будешь хорохориться, лишившись поддержки!

Сяо Цишу представлял себе множество сценариев: Сяо Утун, рыдая, падает на колени и просит прощения, общественное мнение под его контролем склоняется в его пользу, маршал, тронутый его искренностью, вмешивается... Но больше всего он представлял, как Сяо Утун навсегда застрянет на планете Цаншуан, умрёт с голоду на улице, без поддержки.

Больше никогда не поднимется, умрёт как нищий — вот удел этого ублюдка.

Но он не ожидал, что огромная армия платных комментаторов, нанятая с помощью сил главной ветви клана, исчезнет без следа, как капля воды, упавшая в море, не вызвав даже ряби.

Общественное мнение хлынуло на него со всех сторон:

— Мелкий ублюдок, способный только на закулисные интриги! — Сяо Цишу швырнул чашку с чаем и, как дикий зверь, заметался по комнате. — Что мне Столичный колледж! Думаете, меня волнуют эти пустые звания? Я же жених маршала!

Он кричал от злобы, пытаясь убедить себя, что ему плевать на угрозу отчисления.

Но на самом деле ему было не плевать.

Если бы он хотел просто тихо сидеть в особняке маршала, ему ничего и не нужно было бы делать. Но если он хотел использовать титул жениха маршала для построения собственной карьеры, он ни в коем случае не мог потерять это образование.

Потому что Ци Чэнь находился слишком высоко; не имея соответствующих козырей, этот мир навсегда закроет перед ним двери.

Люди высшего уровня не примут низшего в свой круг; даже если им придётся принять его из-за статуса, это равносильно тому, чтобы собственноручно захлопнуть дверь в ещё более высокие сферы. Сяо Цишу ни за что не смиритсся с таким исходом.

Он сжал губы, решаясь на всё, но в этот момент его световой компьютер неожиданно принял вызов от главной ветви клана.

На другом конце экрана сидел внушительный мужчина. Он сидел, не шелохнувшись, в комнате с мрачными тонами; все предметы вокруг были невероятно ценными.

Вот стиль главной ветви клана Сяо! Вот мужчина, управляющий всем кланом!

В глазах Сяо Цишу вспыхнул горячий огонь.

— Глава, — опустив голову, почтительно произнёс он.

— Цишу, — начал мужчина, и хотя обращение было фамильярным, в нём не чувствовалось близости. — Прекрати свои действия. Перестань обращать внимание на своего двоюродного брата.

— Но! — попытался возразить Сяо Цишу. — Я почти решил с ним!

— Это невозможно. — Взгляд главы был спокойным и острым; твёрдость, с которой держался Сяо Цишу, не выдерживала ни малейшего испытания, и его тайные мысли обнажились перед этим главой, вызывая стыд и унижение. — Ты — жених маршала Ци Чэня, незачем смотреть на такое захолустье, как планета Цаншуан.

К тому же, прежде чем атаковать Сяо Утуна, разве ты не изучил его связи?

— Какие ещё связи? — усмехнулся Сяо Цишу. — Я знаю его как облупленного.

— Вот как? — сказал глава. — А ты знаешь, почему в этот раз все встали на его сторону?

— Потому что он опередил меня и взял под контроль общественное мнение! — выкрикнул Сяо Цишу.

— Нет. Потому что за его спиной стоят два топ-деятеля шоу-бизнеса: режиссёр Керн и господин Фэн. Только что я получил звонок от режиссёра Керна как раз по этому поводу, — ответил глава. — Режиссёр Керн — человек с положением, я не могу отказать ему в просьбе. Так что, Цишу, сейчас ты покорно извинишься перед Столичным колледжем, а я постараюсь замять это, чтобы твоё имя не всплыло в этом деле.

— Откуда он мог знать режиссёра Керна? А господин Фэн никогда не показывается... — Сяо Цишу попытался возразить, но стоило главе взглянуть на него, как он замолчал.

— Я не хочу, чтобы это повторилось, Цишу, — сказал глава. — Твоё положение важно для клана Сяо. Я надеюсь, что ты быстро повзрослеешь. Столичная звезда — твоё истинное место.

Сяо Цишу полностью утратил свой пыл, опустил голову и тихо ответил.

Сяо Утун получил письмо с извинениями от Столичного колледжа. Письмо было доставлено специальным сотрудником колледжа, прилетевшим на планету Цаншуан, прямо на съёмочную площадку режиссёра Керна.

Старик только что закончил ежедневные съёмки и сидел в режиссёрском кресле с серьёзным выражением лица, строча в блоге.

Он писал весь день: если глава клана Сяо передумает, это письмо станет лучшим оружием. Поэтому он стремился самыми строгими словами раскрыть тёмную подоплёку этого дела и оправдать ребёнка, которого взял под крыло.

Как раз в этот момент пришёл посланец Столичного колледжа.

— Мы выражаем вам глубокие сожаления по поводу случившегося, — серьёзно и с чувством вины произнёс этот посланец; даже только по этому исполнению было ясно, что он не последняя фигура. — Это была наша грубейшая ошибка, которая причинила вам огромный вред. После обсуждения с советом колледжа мы публично извинимся перед обществом и лично перед вами, заново вручим вам уведомление о зачислении, а все расходы на ваше обучение колледж берёт на себя.

— Столичный колледж искренне просит прощения за этот инцидент!

Он глубоко поклонился, обеими руками держа тщательно оформленное уведомление о зачислении, и поднял его над головой.

Сяо Утун растерянно махнул рукой:

— Встаньте, встаньте! Не надо такого большого поклона!

Говорил он это, однако не делал ни малейшего движения, чтобы взять уведомление, заставляя посланца стоять в поклоне ещё дольше; но все вокруг решили, что это не намеренно, а просто от смущения.

Система в голове хозяина холодно фыркнула, считая себя единственным, кто видит эту маскировку.

Закатные лучи постепенно угасали с наступлением ночи. Сяо Утун наконец, под утешения

съёмочной группы и неоднократные настоятельные просьбы посланца, принял письмо и с осторожностью спросил:

— Я слышал, что уведомление аннулировали из-за того, что кто-то подкупил заведующего учебной частью колледжа. Не могли бы вы сказать мне имя этого человека?

Посланец замялся; он действительно занимал высокий пост и знал больше, поэтому мог лишь уклончиво ответить:

— Имя этого человека уже обнародовано. Если вам интересно, вы можете прочитать сами — там описанно подробнее.

Сяо Вуун, не отводя взгляда, продолжал смотреть на него с молящим выражением, как не заставил тово покрыться холодным потом, и только тогда удовлетворённо отвёл глаза:

— Ну хорошо. Поздравляю вас, что вы специально приехали достать письмо.

— Хм! — фыркнул носом старик Керн. Он, конечно, знал о сожных связях, стоящих за этим деом, и понимал, что настоящее имя зногоовщика ни за что не наовут.

Даже при его высоком положении в Союзе, которое заставляло этих людей относиться к нему с уважением, заставить их пойти на действия, которые нанесут пусть даже малейший ущерб их интересам, он был не в силах.

Поэтому он мог лишь выразить недовольство таким образом.

— Ой, разве это не прекрасно? — Госпожа Юй подскочила сзади, обняла Сяо Утуна за шею и взглянула на золотистый конверт в его руках. — Маленький Утун скоро едет учиться на столичную звезду.

— Перед отъездом давайте отметим это съёмками забавного бэкстейджа!

Слава — единственный и важнейший критерий в Системе воспитания кумира, и, поскольку основная его задача — воспитать кумира, то известность за пределами кинематографа, сжаяая в миион раз, зачитываась в общую славновнь.

Тотлько господин Фэн обладал настолько высокой известностью, и к тому же Система была для него «войные хорошие» отношения, поэтому Сяо Вутун смог поучить пятьдесят миллионов очков славы.

А на этот раз Сяо Вутун, неожиданно попав в съёмочную группу режиссёра Керна, устроил

такой шум, его имя часто мелькало в блоге Керна, да ещё и господин Фэн сделал ретвит — в итоге очки славы выросли ровно на один миллион.

Глядя на этот миллион, Система прослезилась — только сейчас она почувствовала себя настоящей Системой воспитания кумира:

— Вот только съёмки закончены, а когда фильм выйдет, слава взлетит до небес! Тогда предложения посыпятся одно за другим, и нам не придётся волноваться, что не будет ролей!

— Извини, но я не интересуюсь съёмками, — больно уколол Сяо Вутун свою Систему в самое сердце.

Они стояли в космопорте планеты Цаншуан. На этот раз билет на дирижабль больше не был просрочен; благополучно пройдя в зону ожидания, они сели с краю и смотрели сквозь огромные панорамные окна на взлёты и посадки гигантских дирижаблей вдалеке.

«Они» — потому что вместе с ним была и госпожа Юй. Она надела тёмные очки, чтобы скрыть лицо, и держала в руках огромный чемодан — туда съёмочная группа перед отъездом сложила вещи для Сяо Вутуна.

Остановка съёмок даже на один день стоила огромных средств, а из-за появления Сяо Вутуна режиссёр Керн загорелся идеей переснять всё заново, так что деньги были на счету. Поэтому, хотя все хотели проводить Сяо Вутуна, сопровождать его могла только госпожа Юй, специально перенёсшая свой съёмочный день.

Время ожидания, кааось, пролетело неаметно. Когда госпожа Юй, ни слова не пропустив, ередала все наставления от съёмочной группы, уже дважды овучил объявление о посадке. Красаица, наконец, вздохнуа, ротянуа руу и оглаила мяки верушки на олове юноши.

— Когда мы закончим съёмки здесь, группа завершит работу, и мы приедем к тебе на столичную звезду. — сказала она, улыбаясь. — Смотри не забывай нас.

— Конечно не забуду! — энергично кивнул Сяо Утун, будто чем сильнее кивал, тем твёрже становился. — Я буду помнить вас всех!

Это были не притворные слова, а сказанные от души.

С некоторыми людьми проживёшь всю жизнь, а так и не сблизись. С другими проживёшь полмесяца — и сразу найдёшь общий язык.

Сяо Утун точно знал, что любит эту съёмочную группу, любит каждого в ней. Они относились к нему искренне — и он должен был отвечать тем же.

Объявление о посадке прозвучало снова, и Сяо Утуну пришлось уходить. Он потянул чемодан и шаг за шагом двинулся к выходу на посадку, внезапно почувствовав себя ребёнком, уезжающим из дома.

Его домом были старик Керн и члены его съёмочной группы.

Пройдя выход на посадку, он обернулся на повороте — госпожа Юй всё ещё стояла на месте. Её осанка была безупречна, аура невероятна, и она явно выделялась среди всех в зоне ожидания.

— Ах да! — вдруг она подняла руку и крикнула ему: — старик сказал, что уже придумал следующий фильм! Главная роль — ты! Готовься как следует дома!

А?

Аааа???

Сяо Утун, вытаращив глаза, смотрел, как госпожа Юй, в образе крутой леди, выпалила эту фразу скороговоркой и тут же развернулась, убегая к выходу из зоны ожидания, даже не дожидаясь его ответа.

Это же принуждение!

Нет-нет! Он же твёрдо решил забиться в уголок и жить своей тихой жизнью! Сняться в кино один раз в качестве второстепенного персонажа — уже достаточно! Он не хочет высываться!

Госпожа Юй! Вернись!

Но госпожи Юй уже и след простыл — непонятно, как она на таких шпильках умудрилась так быстро удрать.

— Хозяин, я тебя понимаю, — с притворной скорбью утешила его Система. — Ты не хочешь сниматься, я знаю.

Сяо Утун: ...

Не думай, что я не знаю — ты там ржёшь в голос! Ты же живёшь в моём море сознания! Потихе!

Вспомнив недавно поставленную себе цель, юноша печально вздохнул.

— Пассажир, вам пора на посадку. — Стоявший рядом сотрудник взглянул на его билет и любезно напомнил.

Сяо Утун вяло отозвался, потащил тяжёлый чемодан и пошёл вперёд.

От зоны ожидания до внутренностей дирижабля путь был недолгим, но на размещение огромного чемодана ушло гораздо больше времени. Когда он наконец сел у окна, дирижабль, зафиксировав, что все пассажиры на местах, начал подготовку к взлёту.

3067 год нового календаря Союза — и для межзвёздных, и для внутрипланетных путешествий дирижабли на крупных талисманах-двигателях были самым удобным и распространённым транспортом, так что Сяо Утун, хотя никогда не покидал планету Цаншуан, уже хорошо знаком с процедурой взлёта.

Его билет, любезно предоставленный Столичным колледжем, был класса VIP — это была большая и комфортабельная каюта, где было всё необходимое, и места хватало для любых занятий. Подойдя к креслу у иллюминатора, он позволил автоматическим ремням зафиксировать себя и, подперев подбородок, бесцельно уставился в окно. Благодаря сверх-острому зрению культиватора, он видел сквозь стекло прямо до зоны ожидания неподалёку.

В зоне ожидания, прямо напротив иллюминатора, минуту назад было спокойно, но вдруг собралась огромная толпа: сначала десятки, потом сотни человек, и их число продолжало расти. Они медленно двинулись к выходу на посадку.

Наверное, какого-то общественного деятеля случайно заметили — вот и вызвало такой ажиотаж. Злорадно подумал Сяо Утун: неужто госпожа Юй попалась, её узнали и заблокировали в космопорте.

Хотя на госпожу Юй рука не поднимается, помечтать-то про себя можно.

Вот только направление толпы было совсем не тем, куда ушла госпожа Юй, так что это не могла быть она.

<http://bllate.org/book/19833/1952549>